

*Н.П. Иванова***История изучения месяцесловов и их значение в исследованиях по древнерусской хронологии (XVII – начало XX в.)***N.P. Ivanova***The History of Mesyatseslov Study and its Role in the Early Russian Chronology Researches (XVIIth – Early XXth Centuries)**

Обобщены и проанализированы научные публикации по проблеме использования месяцесловных датировок в летописях на одном из этапов в истории изучения месяцесловной традиции, а именно на протяжении XVII – начала XX в. Определены основные направления изучения этого периода. Результатом исследования является вывод о том, что детальный анализ всех месяцесловных датировок в летописях с учетом всех достижений в области изучения самих месяцесловов и хронологии поможет устранить противоречия в датах исторических событий.

Ключевые слова: летопись, месяцеслов, хронология, датировка, история изучения, святой, святцы, церковный календарь.

Значение месяцесловов для изучения древнерусской хронологии было оценено давно, практически с момента зарождения отечественного историко-хронологического знания. Цель данной статьи – проследить историю изучения месяцесловной традиции и ее влияние на исследования в области древнерусской хронологии в XVII – начале XX в., когда после бурных политических событий, произошедших в нашей стране, на долгие десятилетия работа в этом направлении была прервана, а всякое упоминание о церкви либо ее служителях было не только неполицорректно, но и небезопасно для исследователя.

Одним из первых, кто стал использовать святцы (или месяцеслов) в редуцированных расчетах, был русский хронолог митрополит Ростовский Димитрий (1651–1709) (мирское имя – Даниил Туптало). Так, дату смерти княгини Ольги (11 июля), которой нет в летописях, он восстановил из службы, помещенной в Прологе [1, с. 98]. Главным его трудом были Четьи-Минеи, составленные на основе многих источников, в том числе и западных («Acta Sanctorum» Боландистов). Архиепископ Сергей (Спасский), тщательно изучивший литературу по восточной, а также западной агиологии, критиковал отца Димитрия за то, что тот внес в свои Минеи некоторых «святых из западных календарей не под теми днями, под коими они нахо-

The article is devoted to the generalization and analysis of scientific publications on the problem of mesyatseslov dates using in the chronicles in the XVIIth – early XXth centuries. It covers the major trends in study of this period. As a result one can draw a conclusion that the detailed analysis of all mesyatseslov's dates in chronicles taking into account all the achievements in the sphere of mesyatseslov and chronology study can help to break down contradictions in the dates of different historical events.

Key words: chronicle, mesyatseslov, chronology, dates, history search, church, svyatsy, church calendar.

дятся у западных, но по своему усмотрению» [2, с. 16]. Тем не менее митрополит Ростовский был первым, кто применил месяцеслов для восстановления исторической реальности.

Первые русские историки В.Н. Татищев и М.М. Щербатов также использовали святцы при работе с древнерусскими источниками. В частности, В.Н. Татищев определял даты исторических событий не только по показаниям юлианского календаря, отмечаемым в источниках, но и по «дням святых». Для этого он даже составил «всем святым роспись алфаветическую» [3, с. 126, 128]. М.М. Щербатов при написании «Истории российской...» ориентировался на месяцесловное обозначение (память святого Ермия) при установлении даты битвы на Калке [4, с. 521, прим. 23.] Однако ни тот, ни другой не обратили внимания на то, что в разных летописях одно и то же событие может датироваться разными памятниками святым.

В конце XVIII – начале XIX в. свою лепту в изучение русской истории внес немец по происхождению, живший и работавший в России, академик Императорской Академии наук И.-Ф. Круг. При составлении таблиц по византийско-русской хронологии он использовал ссылки на святых [5, S. VI]. На этом этапе ученые производили редуцицию месяцесловных дат с использованием современных авторам-исследователям церковных календарей.

С середины XIX в. начинается новый этап в изучении месящесловов и их использования для датировок исторических событий в летописях. Исследователи стали отмечать различия месящесловов, созданных в разное время. Кроме того, характерной чертой этого этапа были работы, посвященные изучению отдельного памятника и сравнению его данных с показаниями других источников того же вида. Надо отметить, что месящесловы, избранные для сравнения, не всегда были хронологически близки. Порой сравнивались два календаря, один из которых датировался, к примеру, XI в., другой – XIX в. Это приводило к тому, что ученые не могли объяснить происхождение той или иной древней памяти. На этом этапе исследователями предпринимались первые попытки осмысления причин разногласия в показаниях месящесловов.

В середине XIX в. в статье анонимного автора, опубликованной в журнале «Христианское чтение», впервые отмечено различие между современным исследователю церковным календарем и месящесловом Остромирова Евангелия 1056–1057 гг. (далее – ОЕ) [6, с. 488–517]. В этой работе была предпринята попытка истолковать значение некоторых праздников и памятей, производя сравнение месящеслова ОЕ с Менологием императора Василия (конец X в.), месящесловами XIII–XIV вв., а также более поздними источниками, такими как Четьи-Минеи Макария и Димитрия Ростовского, печатный Пролог и несколько церковных календарей XIX в. Очевидно, что большинство из выше перечисленных источников, за исключением Менология, имеют более позднее происхождение, чем ОЕ, поэтому они мало помогли ученому в выяснении непонятных памятей и разночтений. Однако автору статьи удалось пояснить некоторые описки в написании имен святых в ОЕ. Интересны некоторые обобщающие выводы исследователя. Так, в целом оценивая месящеслов ОЕ, он считал, что его протограф имел греческие корни и попал на Русь через Болгарию, так как в месящеслове содержится много кирилло-мефодиевских праздников [6, с. 509–510]. Позднее исследователи стали склоняться к тому, что при создании этого месящеслова в качестве одного из источников использовался еще и календарь западного происхождения, поскольку в нем содержится много «латинствующих» памятей [2, с. 116, 7, с. 549–550, 8, с. 8–10, 9, с. 130–138]. Разночтения же месящеслова ОЕ с церковным календарем середины XIX в. он объясняет тем, что первый был создан еще до «реформы» календарей в XII в., приведшей их к «однообразию и единству» [6, с. 516–517]. Странно, что автор статьи не заметил различия святцев XIII–XIV вв. с более поздними календарями. Возможно, это удержало бы его от поспешных выводов о календарной «реформе» XII в.

Другим, более глубоким исследованием в этом направлении, является труд К.И. Невоструева, по-

священный изучению Мстиславова Евангелия XII в. (далее МЕ). Рукопись хранится в РГБ (ОР РГБ. Ф. 193. К. 3. Ед. 1), но она дважды переиздавалась, первый раз частично издана П.С. Билярским [10], второй раз полностью в 1997 г. [7]. Ценность работы К.И. Невоструева заключается в том, что впервые был опубликован месящеслов МЕ. Кроме того, ученый провел сравнительный анализ данного месящеслова с рядом других. Надо отметить, что К.И. Невоструев оказался прозорливее своего предшественника, так как производил сравнение месящесловов более близких друг к другу хронологически. Он сравнивал месящесловы МЕ, ОЕ, Галичского Евангелия 1144 г., месящесловная часть которого датируется XIV в., Тетро-евангелия XII в., Евангелия-апракос XIII в.

Монография К.И. Невоструева интересна еще и тем, что автор, изучая месящеслов МЕ, по сути параллельно занимается изучением календаря ОЕ и частично других. Так, в ОЕ им были выявлены «латинствующие» памяти, однако, споря с «известным славистом Копитаром», он считает, что это не может быть признаком того, что месящеслов ОЕ был исправлен по Римскому Мартирологу, поскольку в нем также содержится большое количество константинопольских праздников [7, с. 549–550].

Кроме того, привлекают внимание размышления знаменитого слависта-археографа о причинах появления разночтений в месящесловах. Таких причин он выделил несколько. Так, в древних святцах К.И. Невоструев обнаружил святых, которые в современных ему календарях не отмечены. Найти их можно только в Прологах и Четьих-Минеех, самых полных из списков святых. Перенесение дней поминовения некоторым святым на ближайшее предыдущее или последующее число в древних списках, по мнению автора, было связано с их совпадением с Великими праздниками, которое не допускалось в первое время становления месящесловной традиции. Сюда же он относил и те случаи, когда на одно число приходилось две и более памяти святым, «тогда служба одному из них совершалась в другое число для уравнивания», т.е. для равномерного распределения памятей и праздников в течение года. Такой перенос осуществлялся, как считал К.И. Невоструев, не только на один-два ближайших дня, но возможен был и перенос из одного месяца в другой. Еще одна причина перенесения того или иного святого на другое число года могла быть связана, по мнению исследователя, с объединением «памяти святых, сходных между собою по званию, служению и месту оною, состоянию и так далее». Безусловно, автор не исключал из списка таких причин и обычных ошибок, допускаемых писцами [7, с. 536, 539, 540].

В целом, характеризуя месящеслов МЕ, К.И. Невоструев приходит к выводу, что последний является «основным славянским списком» [7, с. 544]. Позднее этот вывод был подвергнут критике [11, с. 14].

Если говорить о подходах, применявшихся к изучению месяцесловов, то для этого этапа характерно, с одной стороны, стремление обнаружить разночтения в месяцесловах разных эпох, с другой стороны, заметны робкие и не всегда удачные попытки объяснения причин этих различий.

В середине XIX столетия в обществе наблюдался необычайный подъем интереса к древней истории России, проходят многочисленные публичные дискуссии на самые разнообразные темы, связанные с историей, в том числе и с хронологией Древней Руси. На волне этого интереса начинают публиковаться различные источники, в том числе и древнерусские месяцесловы.

Первой публикацией такого рода было издание ОЕ, предпринятое А.Х. Востоковым в 1843 г. [12]. Затем П.С. Билярский, частично опубликовав работу К.И. Невоструева, а именно ту ее часть, которая касалась месяцеслова, поспособствовал изданию МЕ [10]. Кроме того, ряд исследователей предпринимали попытки составления сводного месяцеслова, т.е. такого, который содержал бы в себе сразу несколько рукописных памятников.

Так, П.В. Хавский, известный в свое время московский чиновник-юрист, большой любитель и знаток древнерусской истории и русской хронологии, в 1855 г. опубликовал сводный месяцеслов по новейшим печатным календарям [13]. Древнейшие рукописные памятники в состав сводного календаря не вошли, а именно в них наблюдается больше всего противоречий в датировании памятней святых, но тем не менее сам факт составления такого сводного месяцеслова заслуживает внимания.

Тот же недостаток имели и другие попытки составления сводного календаря, предпринятые протоиереями Д.С. Вершинским [14] и Г.С. Дебольским [15], архиепископом Димитрием (Самбикиным) [16]. Исключение составляют работы И.М. Мартынова [17] и И.И. Срезневского [18], которые вышли почти одновременно в 1863 г., одна в Брюсселе, другая в Санкт-Петербурге. Первый привлек довольно богатый материал (более 30 южнославянских и русских календарей), собранный им в западноевропейских библиотеках, и, в частности, Реймское Евангелие XI в. В состав сводного месяцеслова он включил и месяцесловы ОЕ и МЕ, ссылаясь на работу К.И. Невоструева. Второй обобщил и издал довольно редкий материал древнерусских Миней XI–XIV в., однако никакого анализа их календарного состава ими проведено не было.

И.И. Срезневский был одним из самых плодотворных издателей древнерусских святцев. Им были опубликованы месяцесловы из Саввиной книги, Охридского и Слепченского апостолов XII в. и др. [19].

В 1881 г. археограф Д.И. Прозоровский опубликовал Новгородский Синодальный Устав XVI в. Он об-

наружил несоответствия в месяцесловах разных эпох [20, с. 128]. Д.И. Прозоровский попытался объяснить причины некоторых смещений памятней с одного дня на другой. Так, он обратил внимание на то, что память апостола (далее – ап.) Марка в Новгородском Уставе отмечена 26 апреля, а в современном исследователю календаре находилась под 25 апреля. Как установил Д.И. Прозоровский, причина заключалась в том, что в 1533 г. в Новгороде был мор, по окончании которого архиепископом Макарием была основана церковь ап. Марка. Обычно храмы закладывались в воскресные дни. В этом году, по мнению Д.И. Прозоровского, воскресенье выпадало на 26 апреля, и в связи с этим память ап. Марка в Новгородском Уставе XVI в. была перенесена на 26 апреля.

В Новгородской четвертой летописи под 7041 г. от С.М. (1533 г. от Р.Х.) есть запись о строительстве деревянной церкви ап. Марка. Датирующими элементами в данном случае будут следующие: «**Тое же осени...**», «**мѣсяца октября нача являтися на человекѣхъ вредь... мѣсяца ноября 8 день, на Соборъ архангила Михаила**» архиепископ Макарий с клиросом вошел в церковь святой Софии, после молитвы велел строить деревянную церковь [21, с. 550]. Судя по дальнейшему описанию событий, она была построена в очень короткие сроки. Имя же святого покровителя было выбрано церкви «по жребию» и еще потому, что в Новгороде не было ни одной церкви в честь этого святого [21, с. 551]. Далее в летописи описывается другой сюжет: чудо у гроба святого Варлаама Хутынского, когда загорелась свеча и горела 9 недель, не гаснув. Примечательно, что датируется это чудо «**мѣсяца априля въ 25 день, на память святого и всехвальнаго апостола еѡаггелюста Марка, на второи недели по Пасце, с четверга на пятницу**» [21, с. 551].

Итак, по показаниям летописи строительство деревянной церкви ап. Марка или ее освещение вряд ли совпадало с 25 или 26 апреля (кроме того, в этом году воскресенье приходилось не на 26, а на 27 апреля, а воскресением 26 апреля могло быть в 1534 г. Невозможно, чтобы летописец не отметил бы такое совпадение строительства церкви ап. Марка и день его памяти. Однако днем памяти этому святому он датирует другое событие. К тому же святцы, которыми пользовался летописец при написании своего произведения, отмечают память ап. Марка без смещения 25 апреля. Вероятнее всего, причина перенесения памяти ап. Марка в Новгородском Уставе XVI в. иная, чем предложил нам Д.И. Прозоровский. Однако могло быть и так. Составитель летописи при написании своего труда ориентировался на святцы, не схожие по составу с месяцесловом Новгородского Устава XVI в., и поэтому датировал событие самостоятельно, используя свой источник.

Возможно, причина кроется в том, что ошибку допустил переписчик Устава. Известно, что при на-

писании месяцесловов в Евангелиях, Апостолах и других богослужебных книгах цифры выносятся на поля, и в некоторых случаях наблюдается смещение, поэтому не всегда понятно, к какому числу относится та или иная память святому. Вполне допустимо, что переписчик, списывая со святцев, неверно перенес память с одного дня на другой, близлежащий. Для окончательного решения этого вопроса необходимо не только тщательное изучение как можно большего количества близких по времени и месту составления месяцесловов, но и летописей, принадлежащих одной летописной традиции.

Лучшей и до сих пор во многом непревзойденной работой, посвященной исследованию месяцесловов, является глобальный труд архиепископа Сергия (Спасского) «Полный месяцеслов Востока» (далее – ПМВ) [2]. Его первое издание вышло в 1876 г., второе, значительно доработанное, в 1901 г. Этот труд одновременно являлся и глубоким исследованием по истории возникновения и развития православной месяцесловной традиции не только России, но и Греции, Болгарии, Сербии и других стран начиная с V в. и по XIX в. Второй том «Святой Восток» представляет собой сводный календарь, причем для его составления Сергием был привлечен обширный круг источников от древнейших (Сирский мученик 411–412 гг.) до более поздних, современных автору (Месяцеслов всех святых 1891 г. и Христианский месяцеслов 1900 г.). Это в какой-то степени позволяло автору проследить эволюцию месяцесловной традиции. Кроме того, в исследованиях отца Сергия содержались разыскания по отдельно взятым месяцесловам (славянским, греческим и западным), приводилась их характеристика. Однако, как писала Л.П. Жуковская, эти сведения, особенно о славянских месяцесловах, «слишком общи» и «недостаточны», чтобы по ним можно было бы судить «о группировке рукописей» [22, с. 228].

Автором ПМВ проделана значительная работа по сведению всех источников в единый (сводный) календарь. Вторая и третья части сочинения содержат сведения об отдельных святых или празднествах со ссылками на источники и указателями. Наконец, архиепископ предпринял попытку обобщения накопленного материала. Хотя, как считают некоторые исследователи, именно последнего и не хватает работе. Он в отличие от своих предшественников четко осознавал влияние тех или иных церковных уставов (Константинопольский, Студийский и Иерусалимский) на развитие месяцесловной традиции.

Безусловно, столь масштабная работа, проделанная Сергием, не была лишена недочетов и промахов. В адрес книги поступили критические замечания от знатоков церковной истории. Одним из критиков Сергия был В.В. Болотов, церковный историк, профессор Санкт-Петербургской духовной академии. В своей заметке «Следы древних месяцесловов поместных

церквей» он отмечал, что ПМВ – «есть лишь полный сводный месяцеслов константинопольской церкви» [23, с. 178]. Кроме того, оппонент Сергия обращал внимание на то, что для сравнения важны не только полные месяцесловы, но и «средние по содержательности месяцесловы... с одной, редко с двумя памятьми на многие дни» [23, с. 177]. Интерес представляет не только критика В.В. Болотовым ПМВ, но и те предложения, которые он внес для усовершенствования работы со святцами. Суть этих предложений сводится к большей, выражаясь современным языком, формализации, которая должна заключаться в кодировании рукописей-источников. Кроме того, профессор выдвинул еще несколько версий возникновения ошибок в месяцесловах, во-первых, за счет слияния сведений о разных святых в одну память [23, с. 205], во-вторых, как писал В.В. Болотов, «славянские рукописи архаичными данными богаты так, как далеко не все греческие». Вероятно, это объясняется двумя обстоятельствами: «а) Славяне и русские доставали греческие рукописи (переведенные потом на славянский язык) во время странствий по святым местам, следовательно, не из Константинополя только, но и из провинциальных городов... б) ... греки не имели охоты именно те рукописи, которые были особенно нужны им самим, отдавать паломникам. Пришельцам дарили или продавали такие книги, в которых не было практической надобности. К этой категории практические люди причисляли, конечно, и книги устарелые, содержащие древнейший чин, замененный уже константинопольским» [23, с. 196–197]. Таким образом, В.В. Болотов дает нам еще одно объяснение причин появления разночтений в церковных календарях.

Другим критиком первого издания работы Сергия был И.Д. Мансветов [8], церковный археолог, профессор Московской духовной академии. Суть его замечаний сводилась к недостаточной «обработке» и классификации представленного материала, неполное исследование места и времени происхождения каждого из месяцесловов. Кроме того, им было отмечено, что архиепископом мало изучен состав каждого памятника, «влияние иерусалимского и западного цикла Святых» [8, с. 5]. Отрадно то, что И.Д. Мансветов не только критиковал архиепископа Сергия, но и сам попытался внести свою лепту в изучение месяцесловов. В частности, он провел сравнительный анализ Иерусалимского и Студийского уставов с целью выяснения памятней местного происхождения, а также выявил шесть редакций Иерусалимского Устава, бытовавших в России. Несмотря на множество замечаний, высказанных автору ПМВ, основным выводом критика являлось то, что работа была проделана огромная, и И.Д. Мансветов рекомендовал Академии наук наградить создателя ПМВ Уваровской премией. Архиепископ Сергий за свое сочинение ПМВ был

удостоен степени доктора богословия. Надо отдать должное автору ПМВ за то, что во втором издании он учел многие из высказанных замечаний и значительно переработал свой труд. Тем не менее эта работа во многом требует пересмотра и дополнения, прежде всего в части подходов, избранных ее автором.

Архиепископ Сергей имел своих продолжателей, которые пытались «дополнить» его месяцеслов. Это И. Косолапов [24], который, впрочем, лишь сделал выборку наиболее интересных, с его точки зрения, памятней. Г. Булашев внес более существенный вклад [25]. Он дополнил ПМВ памятями святых и событиями, которые не были отмечены в работе Сергея, по большей части «новыми», т.е. недавно канонизированными.

А. Петров подвергал анализу вопросы, связанные с почитанием славянских учителей Кирилла и Мефодия, и сделал некоторые интересные замечания. Так, он предполагал, что в России сложилось несколько редакций месяцесловов, последовательно сменявших друг друга. Кроме того, вслед за своими предшественниками Сергием и И.Д. Мансветовым П. Петров выделял романо-студийскую и афоно-студийскую редакции, подверженные влиянию Студийского Устава. Постепенное начало введению богослужебных книг афоно-студийской редакции, по мнению А. Петрова, было положено в 1072 г. введением устава какого-то афонского монастыря в обители преподобного Феодосия. После введения в практику богослужения (во второй половине XIV в.) Иерусалимского Устава, «сначала въ сербской редакции», в России появились еще три редакции уставов: «третья редакция (Око церковное)», «четвертая редакция (тверской устав)» и редакция, связанная с Уставом 1682 г. [26, с. 537–541].

Существенным вкладом в изучение месяцесловной традиции были исследования в области агиографии. Их изучение может быть полезным ученому, занимающемуся изучением древнерусских месяцесловов, поскольку именно эти работы помогают идентифицировать каждого конкретного святого и отличать его от других одноименных. Порой именно это является самой трудноразрешимой задачей. Древнерусские монахи, составители святцев, зачастую не утруждали себя пояснением, какого именно святого они имеют в виду. В поздних же месяцесловах встречается до нескольких десятков одноименных святых, некоторые из них имели схожий чин святости.

В. Васильев, рассматривая историю канонизации русских святых, отмечал, что столь большое различие месяцесловов по отношению к русским святым связано с тем, что «весь первый период канонизации... почитание их носило главным образом местный характер» [27, с. 14–15], поэтому переписчики могли сами решать, вносить этого святого в свои святцы или нет.

Некоторые исследователи в своих работах выявляли причины установления праздников и памятней, введенных в России. К таким авторам можно отнести Н.И. Серебрянского, писавшего о «Древнерусских княжеских житиях» [28]. В его работе был проведен подробный анализ житий начиная от княгини Ольги и до Александра Невского. Разбирая княжеские жития, он обнаружил несколько ошибок, в частности, в дате погребения великого князя. Во всех списках «Особого жития Александра Невского» дата погребения, по мнению Н.И. Серебрянского, неверная («**мѣсяца ноября в «•К•» день, на память святого отца нашего Григория Декаполита**» [28, с. 202]). «Ошибка эта получилась в результате того, что переписчик, а может быть и сам редактор в дате летописного жития «**«•КГ•»**» вторую цифру принял за букву (в списке могло быть «**КГ**» и по святцам заменил св. Амфилогия святым Григорием)» [28, с. 202].

К сказанному можно добавить, что замена одного святого другим могла произойти и по другой причине. По данным ПМВ Сергея, память святого преподобного отца нашего Амфилохия, епископа Иконийского, отмечается 20 ноября в Минеях-четьих греческих из Иерусалимской библиотеки. Таким образом, нельзя исключать и такого случая замены святых, при которой происходила смена одного святого другим, но не изменялось число. В другом случае переписчик, обнаружив, что память святого Амфилохия стоит не под тем числом, как в его святцах (20, а не 23 ноября), изменяет дату. Затем те из переписчиков, кто ориентировался на память Амфилохия, изменил дату на 23 ноября, те же писцы, которые считали первичной дату 20 ноября, заменили «неверную», по их мнению, память святого Амфилохия на другую, «верную» – память святого Григория Декаполита. Так появились разные даты: 20 ноября, на память св. отца нашего Григория Декаполита или же 23 ноября, на память святого «Амфилогия».

Другой автор – Г.П. Федотов – жил и работал в конце XIX – начале XX в. По политическим мотивам вынужден был жить на чужбине. В своей книге «Святые Древней Руси» [29] он изложил результаты изучения «русской святости», ее истории и «религиозной феноменологии», попытался разобраться в том, что могло быть основанием «для церковной канонизации» или «деканонизации» того или иного угодника.

Не остались в стороне от вопросов, касающихся церковных календарей, и исследователи русских летописей. М.П. Погодин и А.А. Куник использовали месяцесловы для редукции святочных дат. Однако никто из них не задумывался над тем, что святцы, как и летописи, прошли длинный путь эволюции. Чаще всего редукция производилась с помощью современного авторам церковного календаря. Не случайно еще в начале XX в. Н.В. Степанов предостерегал: «Перевод древне-летописной даты, данной по святцам, требует

особой осторожности, а при современном состоянии русской историографии представляет порой непреодолимые трудности. Дело в том, что мы совершенно не знаем, какими святыми пользовались наши древние летописцы... Поэтому, прежде чем переводить дату, данную по святым, надо точно знать, какими святыми пользовался в данное время летописец. Если же мы, не соблюдая исторической перспективы, будем переводить эти даты, пользуясь современными святыми, то можем впасть в ошибки» [30, с. 24].

Анализируя в целом весь этот большой этап в развитии исследований по русским месяцесловам и их влиянию на датирование исторических событий, нашедших отражение в различного рода источниках, в том числе и летописях, можно отметить, что ученые разделились на две группы. Первая группа занималась изучением собственно месяцесловов, их составом, историей и т.д. Кроме того, можно отметить, что на данном этапе исследования месяцесловов преобладал подход поиска разночтений в них, что затрудняло их группировку по редакциям, хотя попытки выделения последних предпринимались. Вторая группа выявляла

месяцесловные датировки в летописях, практически не привлекая наработки первой группы. Поэтому в случае возникновения каких-то противоречий в летописных датировках чаще всего их объявляли ошибками летописцев. Причина же таких «ошибок» может быть гораздо глубже. Хотя у представителей этого направления был один «революционный прорыв» – это высказывание Н.В. Степанова о соблюдении осторожности при редукции месяцесловных дат, однако сам он специально исследованием месяцесловов в летописях не занимался, как и никто из его предшественников. На наш взгляд, только детальный анализ всех месяцесловных датировок в летописях с учетом всех достижений в области изучения самих месяцесловов и хронологии поможет устранить противоречия в датах исторических событий.

В дальнейшем наблюдается лакуна в исследованиях данной проблематики. Это было связано с бурными событиями, происходившими в нашей стране, а также с тем, что на довольно значительный промежуток времени все упоминания о церкви в исследованиях стали нежелательны.

Библиографический список

1. Дмитрий [Туптало Д.С.] Роспись митрополитов Киевских с кратким летописанием. Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. – [М.], 1775.
2. Сергей, архиеп. (Спасский). Полный месяцеслов Востока. – 2-е изд. – Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). – Т. 1.
3. Татищев В.Н. История российская. – М.; Л., 1963. – Т. 1.
4. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. – СПб., 1771. – Т. II.
5. Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie, mit besonderer Rücksicht auf die früher Geschichte Russlands. – St-Peterburg, 1810.
6. Древнейшие русские святцы при Остромировом Евангелии // Христианское чтение. – 1852. – Ч. 1.
7. Невоструев К.И. Исследование о Евангелии, писанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галицким и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. – М., 1997.
8. Мансветов И.Д. Полный месяцеслов Востока. Разбор сочинения архим. Сергия «Полный месяцеслов Востока». – СПб., 1878.
9. Мурьянов М.Ф. К истории культурных связей Древней Руси по данным календаря Остромирова Евангелия // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1982 год. – М., 1984.
10. Билярский П.С. Состав и месяцеслов Мстиславова списка Евангелия (извлечено из соч. проф. Невоструева) // ИОРЯС. – 1861. – Т. X. – Вып. 2.
11. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. – М., 2001.
12. Остромирово Евангелие 1056–57 года: с прил. греческого текста Евангелия и грамат. объясн., изд. А.Х. Востоковым. – СПб., 1843.
13. Хавский П.В. Месяцесловы, календари и святые русские в двух книгах, сочинение хронологическое историческое. – М., 1855. – Кн. 1–2.
14. Вершинский Д.С. Месяцеслов Православно-Кафолической Восточной Церкви. – СПб., 1856.
15. Дебольский Г.С. Дни богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви. – СПб., 1857.
16. Дмитрий, архим. (Самбикин). Месяцеслов святых, всюю Русскою Церковию или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и святых угодников Божиих в нашем отечестве. – Тамбов, 1878–1880. – Вып. 1–3; Воронеж, 1882–1883. – Вып. 4 (отд. 1–2).
17. Martinov J. Annus ecclesiasticus graecoslavicus. – Bruxellis, 1863.
18. Срезневский И.И. Древний русский календарь по месячным минеям XI–XIV вв. // Христианские древности и археология. – СПб., 1863. – Кн. 7.
19. Срезневский И.И. Древние славянские памятники юсова письма с описанием их и замечаниями об особенностях их правописания и языка. – СПб., 1868.
20. Прозоровский Д.И. О старинном русском счислении часов // Труды 2-го археологического съезда в Санкт-Петербурге. – СПб., 1881. – Вып. 2.
21. ПСРЛ. – М., 2000. – Т. IV. – Ч. 1.
22. Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: язык и текстология. – М., 1968.

23. Болотов В.В. Следы древних месящесловов поместных церквей // Христианское чтение. – 1893. – Вып. 1.
24. Косолапов И. Месящеслов Православной Кафонической Церкви. – 2-е изд. – Симбирск, 1880.
25. Булашев Г. Месящесловы святых при рукописных богослужебных книгах церковно-археографического музея. – Киев, 1882.
26. Петров А. Чествование святых славянских апостолов Кирилла и Мефодия в древнерусской церкви (по служебным минеям и месящесловам до 1682 г.) // ХЧ. – СПб., 1893. – Вып. 3.
27. Васильев В. История канонизации русских святых // ЧОИДР. – 1893. – №3.
28. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития : обзор редакций и тексты // ЧОИДР. – М., 1915. – Кн. 3.
29. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. – Ростов-на-Дону, 1999.
30. Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII в. // ИОРЯС ИАН. – СПб., 1915. – Т. 20. – Кн. 2.